

Ор83
Д26
А-403365

16+

Татьяна Дегтярева

Верные
спутники
моей жизни

Op 83
D 26

Op 83.37

83.3(2-411.2)6

Татьяна Дегтярева *дар*

Верные спутники моей жизни

A-403365

Издательские решения
По лицензии Ridero
2020

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

О повести Виктора Петровича Астафьева «Пастух и пастушка»

*«Наказание талантом — это, прежде всего
взятие всякой боли на себя, десятикратное, а,
может быть, миллионнократное (кто сочтет,
взвесит) страдание за всех и вся».*

Виктор Астафьев

Как жаль, что зачастую не успеваем мы вовремя сказать человеку доброе о нём. Вот и у меня часто не получалось это — сказать вовремя. Но ведь кому и сказать. И как найти те самые, не общего выражения слова, которыми хоть как-то могла обозначить я свое отношение к тому, что значит для меня это имя — Виктор Петрович Астафьев.

Среди многих авторов, даривших мне удивительные мгновенья радости и боли, счастья и муки, имя Виктора Петровича Астафьева стоит в их первом ряду и светит своим особым, всегда тревожащим душу светом. Наполненное блеском самобытного таланта, глубокой мыслью, горячим сочувствием ко всему,

о чём пишет, творчество Астафьева погружает нас в особое пространство русского миропонимания и мироощущения, каким оно было в середине 20-го столетия. Произведения писателя — это, одной стороны — задушевная песнь земле и людям, которые его взрастили, с другой — горестно тревожное раздумье о судьбе русского человека, прошедшего через невиданную доселе войну. Перелистываешь страницу за страницей и не перестаешь удивляться пристальности авторского взгляда на вещи, глубине сердечного чувства и великолепному такту, с которым это каждый раз выражено.

Своим словом писатель так касается самых тонких струн души, что, потрясенная, она то замирает, то вдруг взлетает ввысь, и ты каждый раз не умеешь объяснить, вследствие чего открываются в твоём сердце сокровенные глубины. И одно из блестящих подтверждений этому повесть писателя «Пастух и пастушка».

Уже вступление к ней выхватывает тебя из дня насущного и вместе с сухим неласковым ветром несёт по пыльной удушливой степи к ногам с трудом бредущей женщины. Ты не знаешь, кто она, что она, но почти сразу тебя пронизывает и насквозь потрясает созданная словом мастера мелодия *«беспредельной, вечной, всегда заново переживаемой, никогда и никем до конца не испитой и неразгаданной человеческой печали»*. Мелодия эта в разных вариациях, с разной силой и многообразием оттенков звучит из произведения в произведение писателя. Острой тонкой иглой

она пронизывает сознание, будоражит наше благополучие, выставляя суровый счет дню сегодняшнему.

Не случаен и подзаголовок к повести — «современная пастораль». В словаре Т. Ф. Ефремовой читаем: «Пастораль — произведение искусства или его часть идиллически изображающее сцены сельской и пастушеской жизни». Повесть Астафьева — это пастораль войны, произведение о невозможности какой бы то ни было идиллии в нечеловеческих условиях невероятной той войны, то есть это антипастораль.

Говорить горькую, иногда невероятную правду о войне и о человеке на войне не просто трудно, но мучительно и требует огромного мужества и неумолкающей совести. «Писательство — это бремя, взваленное на человека его талантом», — однажды напишет Астафьев и ни разу не попытается это свое бремя уменьшить, а тем более отказаться от него.

Читаешь и ещё раз убеждаешься, что личный опыт участника войны ничем заменить нельзя. Потому как ничем не заменить ощущаемое за каждой строкой взволнованное биение большого, много пережившего и навсегда пораженного невиданными испытаниями сердца. Воплощенная в нестандартном астафьевском слове, повесть писателя превращается в неповторимое историческое свидетельство бесценной силы и правды.

Российский политолог и публицист Ксения Мяло в одной из своих работ пишет «...история — это

не перечень событий и даже не сколь угодно фундаментальные и добросовестные исследования этих событий, это, прежде всего *душевный опыт всего народа*, как и каждого из составляющих его людей». А что есть творчество большого и честного художника, как не такой, всегда уникальный душевный опыт.

В основе сюжета повести «Пастух и пастушка» история военной судьбы бойцов пехотного взвода. Пехотинцы — главный локомотив войны, и, как известно, они первыми принимали на себя самый тяжкий удар сражения, почти всегда определяя его исход. Повесть Астафьева о том, какими бывали такие удары и как их выдержали советские бойцы.

«Пастух и пастушка» — это и сердечный поклон писателя-фронтовика своим братьям по оружию, и, несомненно, одно из самых честных и талантливо запечатленных свидетельств того, каким был советский человек 40-ых годов.

Кажется, уж сколько копий сломано в спорах о том, хорош или плох был социализм и всё то, что стояло за аббревиатурой «СССР». Но что бы там и как бы ни говорилось, неоспоримо одно: победа в великой войне, спасшей мир от фашизма, стала возможна в первую очередь благодаря исключительности людей той во всех отношениях необыкновенной эпохи. В одной из своих публикаций белорусская писательница Светлана Алексиевич, известная беспощадной честностью своих произведений, заметила: «... в те годы — 40-е, 50-е существовал

на земле *уникальный советский человек*. Не будет больше никогда таких людей!».

При всей неоднозначности определений трудно, особенно людям, соприкоснувшимся с тем временем, с этим не согласиться и опровергнуть тот факт, что был, был (!) в нашей российской истории *уникальный советский человек*, точнее, удивительное поколение советских людей, взращенных уникальными (!) советскими учителями. Воспитанное в духе лучших традиций своего народа, пропитанное романтикой героического и трудового энтузиазма и непререкаемой верой в то, что в их стране совершается строительство самой справедливой жизни на земле, это было поколение замечательных бессребреников. Не щадя себя, такие люди совершали всё возможное и в мирной жизни, и на войне.

Астафьев, как редко кто, смог убедительно показать эту уникальность времени и человека и эти утраченные сегодня открытость, простодушие, ясность веры и не колеблющуюся совесть. Талант объяснить невозможно, как не объяснить, из каких «кирпичиков» вдруг складывается у писателя та или иная картина, завораживающая своей убедительной неповторимостью. И снова дивишься чуду того, как личность писателя и его творческий дар переплавлены в талантливом творении. И чем выше художественное мастерство, тем сложнее о нём сказать. Самобытность, естественность, непафосность слова, сердечная теплота чувства, мысли, образа, который не надуман, а прямо взят из самой

гуши народной — вот что прежде всего так подкупает в творчестве писателя.

Как живые, встают перед глазами читателя герои повести. Замкомвзвода старшина Мохнаков — человек сложный, противоречивый, в нём ни тени суетности или показной бравады. Он будто и не воюет, а каждый раз спокойно, почти хладнокровно выполняет встающую перед ним новую задачу. И его жесткий и верный расчет не раз спасает положение в самых рискованных ситуациях. Грубоватый, прямолинейный, он, тем не менее, вызывает невольное уважение своей внутренней силой и пронизательностью. С одной стороны, Мохнаков — воплощение той дельной практической смекалки, без присутствия которой невозможна была бы никакая победа. С другой, при несомненных достоинствах, он нравственно уступает своему молодому командиру. Война ожесточила, сделала цинично презрительным одного и высветила высоту нравственной планки другого. Мохнаков как-то уверился, что война всё спишет, что всё можно: можно бесстрастно драть золотые зубы у убитых, можно взять женщину по праву силы.

Его командир Борис Костяев не сомневается: человек должен оставаться человеком в любых обстоятельствах, и отстаивает такое свое понимание в самых непростых для себя обстоятельствах.

С большой авторской симпатией представлены в повести веселые и неразлучные алтайские друзья Карышев и Малышев. Основательные, надежные

и в то же время озорные, они были не заменимы ни в одном деле, которое выпадало совершить их подразделению.

Взводный философ Корней Аркадьевич Ланцов. В рассуждениях этого умного и добротнo образованного человека неизменная глубокая оценка всего происходящего. Всё его внутреннее существо сопротивляется происходящему.

«Варварство! Идиотство! Дичь!... Глухой Бетховен для светлых душ творил, фюрер под его музыку заставил маршировать своих пустоголовых убийц. Нищий Рембрандт кровью своей писал бессмертные картины! Геринг их уворовал. Когда припрет — он их в печку... И откуда это? Чем гениальнее произведение искусства, тем сильнее тянутся к нему головорезы!».

Каждый раз удивляет неожиданное и всегда такое точное слово или определение Астафьева, например, «Шкалик». Словно и не было имени у этого совсем ещё мальчика — просто Шкалик, и всё понятно. Случайно заброшенный в военное пекло, трогательный и забавный в своём желании быть, как взрослые, он так или иначе и в тяжелейших обстоятельствах старается держать марку полноценного бойца.

Теплыми красками подан в повести и командир роты Филькин, смелый, честный и бескомпромиссный боевой офицер, приказы которого не обсуждались: «У меня чтоб через час всё на исходных были! И никаких соплей! Бить фрица, чтоб у него зубы крошились! Чтобы охота воевать отпала...».

[Был во взводе и некий кум-пожарник «прицепистый, недовольный оттого, что с хорошей службы слетел». Его не любили. И, как оказалось, неслучайно. Он почти и не скрывает, что в довоенном прошлом был образцом «сознательности», попросту доносчиком. Через Пафнутьева автором выведен образ тех блюстителей «порядка», которые и на войне находили применение своим нечистоплотным способностям.

На страницах, посвященных бою, нельзя не заметить и эпизодически появлявшуюся медсестру. Перемерзшая, с распухшими веками, багровыми щеками, «словно бы присыпанными отрубями», с потресканной кожей. Некрасивая. Но сколько за этим неприглядным лицом непоказного мужества и редкой отваги. И так ощутима боль и мужская сокрушенность за словами автора об этой девушке.

И, наконец, главный герой повести, командир взвода Борис Костяев, 19-летний, но такой ответственный в своих поступках, такой внимательный к каждому своему бойцу. Сын скромных школьных учителей из Сибири, представителей той самой уникальной когорты подвижников нравственности, для которых «родина», «честь», «долг» — их религия, основа их духовного императива. В таком же духе нравственного стоицизма растили они своих учеников и прежде всего собственного сына, единственного, поздно рожденного, долгожданного. Его не жале-ли, закаляли и тело, и дух, учили быть готовым ко

Оглавление

Немного об авторе	4
Вступление	6
О повести Виктора Петровича Астафьева	
«Пастух и пастушка»	8
О романе Юрия Васильевича Бондарева «Берег» ..	28
О книге Владимира Васильевича Карпова	
«Маршал Жуков, его соратники и противники в годы войны и мира»	52
Золотник неразгаданный	60
Об оренбургских писателях	78
Журналу «Гостиный Дворъ» — 25 лет!»	79
О семейной диалогии Сергея Тимофеевича Аксакова	107
Надежда Алексеевна Емельянова	137
Домовитая ласточка	156
Гимн хрупким связям	179
Не уходи с поля	197
О повести Петра Николаевича Краснова «Звезда моя, вечерница»	231
Судьба родного	243
О книге Валерия Николаевича Кузнецова «Я посетил места»	261
О книге Валерия Николаевича Кузнецова	
«Аксаковские хроники»	279
«Жизнь моя — сизая почка в сиянии мая»	299
Творческий мир Владимира Ивановича Одноралова	311

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения
невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской областной
универсальной научной библиотеке им. Н. К. Крупской по адресу:
г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-48